

часто мы терпим в этом неудачу... Но иногда мы подходим достаточно близко к истине»¹⁰. При этом закон природы – доступная пониманию необходимость, выражает структуру мира¹¹.

Научный язык действительно является средством, которое упорядочивает многообразие внешних впечатлений, а законы, нормы, принципы науки – это своеобразные «фильтры», осуществляющие отбор и тем самым создающие условия для технико-технологических изменений.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что синхронность пробуждающегося теоретического мышления в регионах Средиземноморья, Индии и Китая, побудившая К. Ясперса ввести понятие «осевого времени» для периода становления античной культуры, характеризовалась последовательным перемещением фокуса исследований с натурфилософии через метафизику бытия как сущего к метафизике самоосознания человека, его самобытия как должного. С античности начинается непрекращающаяся и по сей день напряженная дискуссия человека с самим собой о соотношении сущего и должного в бытии и его законах. Обращение к внутреннему миру человека как к «зеркалу природы» претерпевает сегодня своеобразный ренессанс, опирающийся на антропологические идеи и обещающий переход в ХХI в. к новому культурно-историческому типу рациональности, к более глубоким прозрениям в понимании закона.

О. С. Гилязова

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Проблема времени, его сущности и специфики дискутируется с древности. Нельзя сказать, что она упростилась с эпохи Августина, вопрошавшего: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время: если бы я захотел объяс-

¹⁰ *Поппер К. Р.* Указ. соч. С. 95.

¹¹ См.: Там же. С. 180, 192.

нить спрашивающему – нет, не знаю»¹. Данная тематика не только не утратила свою актуальность, но и стала более насущной. И современная ситуация в науке, а прежде всего в философии науки, ознаменована углублением внимания к проблематике времени, характеристики которого (прежде всего – необратимость) становятся существенными для выстраивания соответствующей картины мира.

Рассмотрение данной проблематики начнем с выделения двух основных в истории науки подходов ко времени: 1) ко времени как периоду (стандартизированному, размеченному максимально универсальными измерителями времени) (T_1) и 2) ко времени как изменчивости событийности (T_2). T_1 может выступать *в качестве меры измерения* (изменчивости, быстроты, скоростности) T_2 (событийности); тогда говорят о быстром/медленном протекании событий относительно стабильного, регулярного и общего (до универсальности) времени. Время здесь – едино и однообразно, универсально и последовательно, некий всеобщий хронометр, своей четко отмеряющей регулярностью выверяющий любую непоследовательность и неоднородность протекания событий. Это ньютоновская парадигма времени, согласно которой *«абсолютное, истинное, математическое время... само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью»*². Как пишет Уитроу, «на практике мы можем только наблюдать события и использовать процессы, основывающиеся на них, для измерения времени (T_1 измеряется по T_2 . – О. Г.). Ньютоновская теория времени предполагает, однако, что существует единый ряд моментов и что события отличны от моментов, но могут происходить в некоторые из этих моментов, таким образом, временные отношения между событиями зависят от *отношения событий к моментам времени* (курсив мой. – О. Г.), в которые они происходят, и отношение “до и после” осуществляется между различными моментами времени»³. В свою очередь, T_2 может представлять в качестве меры измерения T_1 . И тогда неудивительно, что один и тот же (с точки зрения часов) период времени протекает *событийно* по-разному.

¹ Августин А. Исповедь. М., 2003. С. 217.

² Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 2004. С. 47–48.

³ Там же. С. 48.

В первом случае событийность времени сводят к его периодности, во втором – время как период сведено к событийности этого периода (отсюда – времен столько, сколько форм и скоростей протекания событий; концепция множественности, неоднородности времен). И T_1 , и T_2 – это измерения, соизмеряемые друг с другом. T_1 – количественность изменений, T_2 – качественность изменений, что резко выявляется при их соотношении друг с другом. Согласно А. Ганну, «благодаря тому, что они [события] происходят, мы говорим о моменте, и этот момент не является единицей времени, существующей сама по себе, но представляет просто класс сосуществующих событий. Мы выводим время из событий, но не наоборот (курсив мой. – О. Г.)»⁴.

В первом случае временем-измерителем (критерием, мерой измерения) выступает T_1 , измеряемым временем – T_2 . Во втором – временем-измерителем, наоборот, является T_2 , измеряемым же временем – T_1 . Только T_1 – это измерение «без ускорения»; по аналогии с пространственным можно сказать, что это последовательное равномерное движение (изменение). Так, «Ньютон считал, что моменты абсолютного времени образуют непрерывную последовательность наподобие последовательности действительных чисел, и полагал, что постоянная скорость, с которой эти моменты следуют друг за другом, независима от всех конкретных событий и процессов»⁵. Вторая парадигма – «теория, что события более фундаментальны, чем моменты, которые не существуют сами по себе, но представляют классы событий, определяемых понятием одновременности, обычно известна как теория соотносительного (или относительно-го) времени. Она была сформулирована Лейбницем, который противопоставил ее ньютоновской теории абсолютного времени»⁶.

«Такого рода “обоснования” (качественного своеобразия различных форм времени. – О. Г.) обычно строятся так: сначала время (некое собственно время, T_1 . – О. Г.) явно или неявно отождествляется с изменением тех или иных материальных объектов [T_2], т. е. с движением материи (его интенсивностью, “плотностью” событий, например), затем показывается специфичность рассматриваемого

⁴ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 51.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Там же. С. 53.

движения (T_2 , возводимого в ранг времени. – О. Г.) и делается вывод о качественном своеобразии соответствующей “формы” времени...»⁷ Для появления второй парадигмы (этапы формирования которой описаны в приведенной выше цитате) T_2 выступает как мера измерения T_1 , что событийно делает разнокачественным T_1 , сводит его до полного отождествления со временем T_2 , но перед этим само «время» T_2 неявно самоотсылается к T_1 как к своей мере. Так, например, по первоначальной поддержке точки зрения Ньютона Расселом «корреляция событий делается возможной только благодаря их предварительной корреляции с моментами абсолютного времени»⁸.

Более того, вторая парадигма невольно выводит нас к проблеме циклического времени (как возможности/невозможности абсолютной тождественности разномоментных во времени состояний системы), ибо прямо вытекает из проблемы соотношения темпорального момента и состояния (событийности) системы, а шире и точнее – из проблематики темпоральной идентичности. Кстати, следует различать теории циклической Вселенной и циклического времени. «Первая ведет к понятию периодического универсального времени (см. Ницше, Борхеса. – О. Г.)... тогда как вторая идея означает, что время замкнуто подобно кругу»⁹.

Уитроу приводит пример Рассела, который «утверждал, что логически не является абсурдом представлять себе раздельное наличие двух с виду идентичных состояний Вселенной. Но если мы определим момент как данное состояние Вселенной, в таком случае мы должны столкнуться с логической нелепостью, что два момента могут быть и различными, и тождественными. К счастью, это противоречие можно разрешить без обращения к ньютоновской концепции абсолютного времени. Ибо если состояние Вселенной определяется как класс всех одновременных событий, то два состояния, которые неодновременны, не могут быть тождественны во всех отношениях. Но это разрешение трудности влечет за собой недвусмысленное признание фундаментальности времени: время

⁷ Аронов Р. А., Терентьев В. В. Существуют ли нефизические формы времени? // *Вопр. философии*. 1988. № 1. С. 77.

⁸ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 51.

⁹ Там же. С. 56.

становится существенной характеристикой события. Состояния Вселенной будут тогда, строго говоря, неповторимыми»¹⁰. Здесь мы видим взаимосвязь проблем циклического времени, обратимости/необратимости во времени с проблематикой границ темпоральной и субстанциональной уникальности и/или идентичности.

Если справедлив тезис Лейбница, согласно которому «если два состояния мира обладают абсолютно тождественными атрибутами, то в этом случае мы имеем дело не с различными состояниями в разные моменты времени, а только с двумя разными наименованиями одного и того же состояния в одно и то же время»¹¹, то следует принять возможность и действительность замкнутого времени. Недопустимость этого тезиса предполагается открытостью времени. Или мы имеем дело просто с двумя разными (темпоральными) описаниями одного и того же явления? Кстати, возникает вопрос: есть ли прошлое и будущее для обратимых процессов, лучше сказать – в концепции циклического времени, если нет различия модусов времени, ведь само распределение на прошлое и будущее вводится измерением (или сопоставлением) относительно определенной точки (момента) настоящего? Насколько простое возвращение в исходное *состояние* может считаться возвращением системы в собственное прошлое как таковое в исходный *момент* времени?

Цикличность времени может быть обоснована не раньше обоснования возможности достижения полной, абсолютной тождественности состояний системы в разные периоды ее существования. Это вопрос даже не повторения, совпадения, а тем более простого подобия и сходства. Это вопрос абсолютного «того же самого». Впрочем, для наблюдателя никакая полная тождественность не может быть абсолютной, ибо различие привносится самим темпоральным процессом наблюдения, однонаправленно развертывающимся во времени, так что тождественность бывших и нынешних состояний системы, каким бы абсолютным ни было это для самой системы, для наблюдателя, тем не менее не будет тождественностью во времени (хоть и будет таковой во всех остальных отношениях). Это обуславливает, по Грюнбауму, невольное психологическое (со сто-

¹⁰ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 56.

¹¹ Грюнбаум А. Философские проблемы пространства и времени. М., 2003. С. 249.

роны здравого смысла) неприятие замкнутого времени, особенно кругового. Этому есть основания, ибо, как отмечает Пригожин, «если мы вообще хотим что-нибудь узнать относительно обратимого во времени объекта, то нам неизбежно придется воспользоваться необратимыми процессами, с которым связан процесс измерения, будь то на уровне прибора или наших собственных сенсорных механизмов»¹². Более того, сам процесс наблюдения и измерения самим фактом своего использования способствует повышению энтропии.

«Согласно современной теории информации, как это было отмечено, например, Л. Бриллюэном, наблюдение является сущностно необратимым процессом. Независимо от того, встанем ли мы на термодинамическую точку зрения или мы согласимся включить в энтропию более широко используемое понятие “информации”, при любом наблюдении неизбежно возрастание энтропии»¹³. Это приводит к весьма радикальным предположениям о необъективности самой анизотропии времени. Так, например, Ватанабе делает вывод, что необратимость процесса измерения решительно доказывает, что «в физике не существует никакого привилегированного направления времени и что если кто-нибудь признает уникальное направление эволюции физических явлений, то это будет только проекцией течения нашего психического времени... Возрастание энтропии не является свойством внешнего мира, предоставленного самому себе, но есть результат союза субъекта и объекта»¹⁴.

Кстати, Ватанабе совсем не одинок в своем мнении, близко к нему представление Мерло-Понти: «События выкраиваются конечным наблюдателем в пространственно-временной целости объективного мира. Но если я рассматриваю этот мир сам по себе, то остается лишь единое неделимое бытие, которое не изменяется. Изменение предполагает какую-то позицию, которую я занимаю и откуда вижу, как идет ход вещей; нет событий, если нет кого-то, с кем они происходят и чья конечная перспектива обосновывает их индивидуальность. Время предполагает взгляд на время. Оно, стало быть, не подобно потоку, не является какой-то текущей субстан-

¹² Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск, 2001. С. 48.

¹³ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 365.

¹⁴ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 312.

цией. Эта метафора дошла до нас от Гераклита лишь потому, что мы украдкой располагаем в этом потоке свидетеля его течения. <...> Время... не есть какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую мне достаточно регистрировать. Оно рождается из *моей* связи с вещами»¹⁵. Для Грюнбаума же предположение Ватанабе является следствием неразличения и смешения наблюдателя как учетчика физически регистрируемых данных и наблюдателя как организма, наделенного сознанием. Впрочем, критика Грюнбаума, по-моему, не совсем достигает цели, ибо разделение этих двух наблюдателей – прибора и человека – недостаточно. Те же квантовые процессы регистрируются первым, а наблюдаются через эту регистрацию – вторым.

Проблема не отменяется. Она и неразрешима: мы и обратимые процессы, происходящие в циклическом времени, способны наблюдать лишь необратимым однонаправленным (от прошлого к будущему) образом и никаким иным, что принуждает нас верить в единственность и единость «стрелы времени», пусть и открытой и научно обоснованной совсем недавно. Все же остальные варианты и способы протекания времени представляются идеализированным, абстрагированным (научно, мифологично или художественно), выхолощенным и упрощенным вариантом однонаправленного необратимого времени действительности. Пригожин добавляет: «В природе встречаются как *обратимые*, так и *необратимые* во времени процессы, но справедливости ради необходимо отметить, что необратимые процессы являются правилом, а обратимые – исключением. Обратимые процессы – удел идеализации. Чтобы маятник мог колебаться обратимо во времени, необходимо пренебречь трением. Такие идеализации сомнительны, так как абсолютной пустоты в природе не существует»¹⁶.

Кстати, Пригожин отмечает, что с введением «стрелы времени» наблюдатель перестает играть какую-либо существенную роль. Пригожину не нравится роль наблюдателя, вводящего, как он считает, излишне субъективный элемент в объективные процессы, который не позволяет говорить об объективности этих процессов вне

¹⁵ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 520–521.

¹⁶ Пригожин И. Указ соч. С. 22.

и без наблюдателя. Но преувеличенное значение наблюдателя в характеристике наблюдаемых процессов не должно вынуждать вообще отказываться от него. «Стрела времени» не отменяет наблюдателя, а, напротив, лишний раз подтверждает его позицию своим наличием в процессе наблюдения, что не субъективизирует ее, ибо она не просто переносится с процесса наблюдения на наблюдаемые процессы, а наличествует в них объективным образом. Тем самым «стрела времени» соединяет оба процесса – и субъективный, и объективный, не противопоставляя их. Так что «интерфейс между духом и материей», который, по замечанию Пригожина, находится в самом центре парадокса времени, разрешается в единстве их общего времени, времени, которому подчиняются и дух, и материя, и субъективный процесс наблюдения, и объективный процесс наблюдаемого.

Физика в интерпретации И. Пригожина выходит за пределы предсказуемой строгой причинности и в своей концепции времени как «стрелы времени», развития находит точки соприкосновения с идеями, более свойственными искусству, общению, жизни. «Результаты неравновесной термодинамики близки к воззрениям Бергсона и Уайтхеда. Природа действительно связана с созданием непредсказуемых новаций, где возможное богаче реального. Наша Вселенная следует по пути, включающему в себя последовательность бифуркаций. В то время как другие миры могли выбрать другие пути, нам повезло, что *наша Вселенная двинулась по пути, ведущем к жизни, культуре и искусствам* (курсив мой. – О. Г.)»¹⁷. Так что, даже по мнению физика, необратимость времени – залог и основа творчества, новаторства Природы.

«Наша точка зрения заключается в том, что законы физики в их традиционной формулировке описывают идеализированный стабильный мир, совершенно отличный от того нестабильного, эволюционирующего мира, в котором мы живем. Основная причина нашего отказа от тривиализации необратимости состоит в том, что мы не можем более ассоциировать стрелу времени только с увеличением беспорядка. <...> Необратимость приводит, таким образом, и к порядку, и к беспорядку. <...> Как нам теперь достоверно

¹⁷ Пригожин И. Указ соч. С. 68.

известно, именно с помощью необратимых процессов, связанных со стрелой времени, природа создает свои наиболее тонкие и сложные структуры. Жизнь возможна только в неравновесном мире»¹⁸.

В. Руднев связывает энтропию с усилением хаоса, информацию – с упорядочиванием. Пригожин же отрицает такое противопоставление. За счет энтропии происходит структурирование, функционирование, усложнение и самоорганизация жизни. Время включено в жизнь. Ибо «структура времени не является чем-то независимым от тех или иных видов процессов, происходящих во Вселенной. Напротив, природа времени зависит именно от характера этих процессов»¹⁹. Не жизнь идет во времени, а время как эволюция движет жизнь. Эта позиция была высказана еще раньше Вернадским. С введением понятия энтропии понятие времени приобретает качественную окраску. Время не просто количественная мера изменения, а качественность этого изменения. Стрела времени и есть принципиальная неповторимость темпоральных моментов, чья уникальность есть качественная уникальность происходящего в них, что мы и называем развитием (если каждый последующий временной момент качественно превосходит предыдущий) или деградацией (в противном случае). Стрела времени вводит качественную неоднородность и уникальность моментов времени, шире – их последовательности, ибо неравноценность моментов времени делает их взаимозначимыми и невзаимозаменяемыми. Качественная неповторимость изменений процессов есть деградация или развитие. Темпоральная неповторимость – есть необратимость.

Радикально невозможность времени (системы, Вселенной) в целом (да и в отдельные периоды) быть цикличным прописывает Уитроу: «Если бы времена были кругом, то не было бы разницы между Вселенной, проходящей через отдельный цикл событий, и Вселенной, проходящей через ряд идентичных циклов. Ибо любое различие необходимо означало бы, что время не является цикличным, т. е. *имелось бы основное нециклическое время, в котором разные циклы могли соотноситься и различаться друг от друга* (курсив мой. – О. Г.). Более того, тот же самый аргумент можно при-

¹⁸ Пригожин И. Указ соч. С. 28–29.

¹⁹ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 269.

менить также к начальному и конечному событиям отдельного цикла. Ибо если бы они были идентичными, не было бы смысла рассматривать их как происходящие раздельно. Другими словами, *если нет никакого основного ациклического времени, мы не можем отличать “круговой ряд” состояний Вселенной от “прямолинейного”* (курсив мой. – О. Г.)»²⁰. Таким образом, мы видим, что даже циклическое время для возможности быть (вернее, узнаваться) циклическим требует в качестве основного «прямолинейное» время! Грюнбаум же не считает подобный тезис достаточно основательным против замкнутого времени, отношение к которому именно со стороны открытого времени, переводит в циклическое. «...Решающее значение, если стремиться избежать псевдозагадок и противоречий, имеет отсутствие каких-либо молчаливых ссылок на внешнее последовательное супервремя при истолковании термина “возвращение” и всех понятий, заимствованных из временного языка и используемых при описании мира, время которого в достаточно больших масштабах является замкнутым. Осознание последней возможности позволяет нам понять, что из двух видов замкнутого порядка... именно разделенность на замкнутой кривой, а не цикличность должна считаться ответственной за порядок замкнутого времени. Ибо с точки зрения физических состояний анизотропия направленности циклического отношения “между” зависит от привлечения последовательного, а тем самым открытого времени, и его замкнутость обусловлена только периодичностью в пространстве. Таким образом, замкнутое физическое время должно характеризоваться разделенностью на замкнутой кривой и по смыслу не может быть циклическим»²¹.

Как мы уже имели случай убедиться, проблема замкнутого/открытого времени, а более обще – направления времени (и проблема статуса этого направления – объективно ли оно (и тогда время является физически открытым) или субъективно (и тогда открытость привносится нашим психологически невольным разлинейванием физически замкнутого времени)), а заодно – оснований фактической

²⁰ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 57–58.

²¹ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 256.

необратимости сталкиваются в конечном счете с проблематикой взаимоотношения физического (объективного)/психологического (субъективного) времен. Данное различие наличествует как отличие моментов «до», «одновременно с», «после» физического (в терминологии Грюнбаума – неграмматического) времени от модусов «прошлого», «настоящего» и «будущего» психологического (или грамматического) времени, но данные понятия все же своей взаимоотнопределяемостью нуждаются друг в друге: модусами будущего (прошлого) объявляется тот период (те моменты) будущего (прошлого), который еще (уже) не стал (перестал быть – для прошлого) настоящим.

Можно сказать, что фактически моменты времени – это датированные модусы времени, очищенные от своей темпоральной «мигновенности», недаром Грюнбаум называет подход ко времени с точки зрения его датированных моментов, зависящих только от системы отчета и метрики, но не от субъекта в его временном измерении, «безвременным». «Объективная» речь о времени как об «объективном» оказывается возможной только в качестве «безвременной». Соотношение и отличие моментов времени от модусов Грюнбаум представляет следующим образом: «если в данное по часам время t_0 будет правильным сказать о некотором частном событии E , что оно происходит теперь или случается в настоящее время, то это утверждение не может быть также истинным во все остальные моменты $t = t_0$, отмечаемые этими часами²². И следовательно, мы должны различать временное в грамматическом смысле утверждение о происходящем в *настоящее* время от безвременного в грамматическом смысле утверждения, что событие E случилось в момент t_0 ; а именно последнее безвременное утверждение, если оно вообще является верным, может быть сделано с таким же правом как

²² Момент акта речи о событии, происходящем во времени как модусе, должен соответствовать этому модусу: мы видим прямую связь времени как модуса со временем речевого акта, т. е. со временем субъекта данного речевого акта, от которого, как от существа, всегда центрированного в своем настоящем моменте, приобретают свои модусные значения все остальные моменты времени: в качестве прошлого, если они произошли «до» данного настоящего момента (в котором пребывает и говорит субъект речи), или в качестве будущего, если стоят в отношении «после».

в момент t_0 , так и во все остальные моменты t , отличные от t_0 ²³. Кроме того, мы должны остерегаться отождествления, сделанного в некоторый частный момент t_0 , о том, что случилось в *настоящее время*, с вневременным утверждением, сделанным в *любой* момент времени t , о том, что событие E происходит или «*является настоящим*» в момент t ²⁴. Это же имеет силу и для различения между временными в грамматическом отношении смыслами *быть* прошлым или *быть* будущим (т. е. *быть* прошлым/будущим как модусами. – *О. Г.*), с одной стороны, и вневременными смыслами *быть* прошлым в момент t_0 или *быть* будущим в момент t_0 (т. е. *быть* прошлым/будущим как моментами. – *О. Г.*) – с другой»²⁵.

Прошлое и будущее как модусы – это скорее некая прошедшесть/будущность, принципиально недостигаемые в силу своей ненастоящести, отодвигаемые за предел возможности их схватывания самими попытками их достижения. Но в качестве определенных моментов времени они регистрируются как «до» и «после» условно избираемой точки отсчета, по отношению к которой они будут представлять аналогично «прошлому» и «будущему», но без специфических характеристик данных модусов (онтологических и эпистемологических), отличающих их друг от друга. А потому сходство, симметричность этих моментов «до» и «после», не будучи привязаны к определенным модусам «прошлого» и «будущего» (которые, как считают Грюнбаум и Хайдеггер, в своей темпоральной специфике наличны только для человеческого сознания), характеризуя обратимые процессы, все же не обосновывают замкнутого времени. Ибо даже последовательность моментов, отсчитываемых от условной точки (не привязанной к конкретному настоящему), говорит об их направленности.

²³ В этом смысле можно сказать, что модусы «прошлое», «настоящее», «будущее» – такие же эгоцентрические слова, как «здесь», «там», относительно пространства, а датировка темпоральных модусов в темпоральные моменты выполняет такую же «объективирующую» роль, как и рассеяние сеткой координат для пространственного местоположения.

²⁴ Так что и о модусах времени можно говорить в объективном смысле, если рассматривать их в качестве модусных моментов: поэтому и наука не избегает терминов «прошлое», «настоящее» и «будущее», если они конкретизированы моментами.

²⁵ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 395.

Очень подробно это разъясняется Грюнбаумом, критикующим Рейхенбаха за отличие между «порядком» (заданным внешним отношением) и «направлением» (заданным внутренним отношением): «расположение в последовательном порядке устанавливает различие между направлениями независимо от того, производится ли оно на основании внутренних или внешних критериев. Смешивая внешний характер отношений последовательности с ненаправленностью, Рейхенбах говорит, что отношение “налево от” точек на линии хотя и представляет собой последовательность, все же не является “однонаправленным”, утверждая тем самым, что два противоположных направления невозможно отличить друг от друга. <...> Однако он вынужден был сделать такой вывод только потому, что упустил из виду следующее обстоятельство: будучи асимметричным, отношение последовательности уже автоматически обладает направлением даже в том случае, если последовательность устанавливается на основе внешних критериев. И этот недосмотр привел его к различению отношений последовательностей, не обладающих направлением, от отношений последовательностей, обладающих направлением»²⁶. Сам же Грюнбаум считает более правильным заменить подобное разделение, предложенное Рейхенбахом, разделением между внутренне изотропным и внутренне анизотропным видами времени, первый из которых отвечает миру обратимых процессов, последовательный характер времени которых «привносится в него извне и приписывание меньшего из двух вещественных чисел в качестве временного обозначения одному из причинно связанных событий не выражает никакой объективной асимметрии самих причинных отношений»²⁷. Второй же вид времени присущ миру необратимых процессов, для которых различие между направлениями времени не приписывается извне, а объективно (или внутренне) обусловлено природой самих необратимых процессов.

Концепция «стрелы времени», первоначально предложенная Эддингтоном, говорит об энтропийном основании анизотропии времени, ибо различает два противоположных по своей структуре направления в сторону более ранних и более поздних моментов

²⁶ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 271.

²⁷ Там же. С. 275.

следующим образом: «из двух состояний мира *более поздним* является то, которое совпадает с *более высокой* энтропией любой замкнутой неравновесной системы, тогда как *более раннему* состоянию соответствует *более низкий* уровень энтропии»²⁸. Фактически нет ни одного философа науки, который не отметил бы наличия исключений, в которых уменьшением энтропии характеризуется именно более поздний момент (что говорит о локальном обращении времени?). Карнап, Рейхенбах, Поппер, Грюнбаум видят в этих «исключениях» основу для возражения против первоначальной формулировки Больцмана, связывающего стрелу времени с возрастанием энтропии, так что энтропия не может и не должна уменьшаться во времени, поскольку это уменьшение означало бы обращение стрелы времени, т. е. означало бы увеличение энтропии относительно противоположного направления стрелы. Но если это заключение приводит Поппера и Карнапа к полному отказу от признания, определяющего значения энтропии для анизотропии времени, то Грюнбаум считает нужным просто дополнить энтропийные (термодинамические) основания анизотропии времени неэнтропийными, тем более что эти два вида необратимости не только не противоречат друг другу, но и поддерживают друг друга.

В качестве данного дополнения Грюнбаум принимает утверждение Поппера о номологически случайной необратимости, когда «законы природы, управляющие элементарными процессами, допускают, конечно, временное обращение этих необратимых процессов, однако сами эти процессы необратимы де-факто, поскольку спонтанная связь начальных условий, необходимая для их обращения во времени, физически почти невозможна»²⁹. То есть хотя подобное обращение состояния не противоречит никаким физическим законам, более того – допускается ими, оно не осуществляется. Наиболее популярная иллюстрация: наличие запаздывающих (расходящихся в будущее) при отсутствии опережающих (сходящихся в прошлое) электромагнитных (и не только) волн и сигналов, хотя законами электродинамики равнодопустимы и те и другие (любимый пример Поппера). Конечно, послание сигнала в прошлое

²⁸ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 280.

²⁹ Там же. С. 327.

внутренне противоречиво, так как сообщение функционирует раньше, чем оно было сформулировано и отослано, что будет еще более удивительным, если оно создает условия, исключающие появление самого сигнала. Напоминает поведение Королевы из «Алисы в Зеркалье», которая завопила от боли раньше, чем укололась, и превосходно помнила собственное будущее.

В теории Уиллера и Феймана возможность подобной ситуации, заложенной номологической симметрией, отнюдь не исключается, но фактически не осуществляется³⁰. И ньютоновская механика, оказывается, описывает необратимые процессы, которые обратимы номологически, но не фактически, что обусловлено и усилено тем, что в реальности они происходят в открытых системах (хотя Поппер показывает, что и в закрытых системах начальные условия невоспроизводимы). И хотя их необратимость неэнтропийна, но так же выражает анизотропию (т. е. однонаправленность) времени, как и законы термодинамики. Так что «поскольку неэнтропийная де-факто необратимость достаточна для обеспечения анизотропии времени, статистически асимметричное во времени энтропийное поведение ветвящихся систем не является необходимым условием анизотропии времени»³¹.

Этот тезис Грюнбаума, направленный против Рейхенбаха, который именно в энтропийном поведении ветвящихся систем видел основу и условие анизотропии времени, не играет тем не менее на руку Карнапу и Попперу, которые под предлогом наличия флуктуаций говорили о «несостоятельности широко распространено, хотя, несомненно, нет универсальной уверенности в том, что стрела времени тесно связана с законом стремления к возрастанию беспорядка (энтропии) или зависит от него»³². Но Грюнбаум возражает Карнапу и Попперу, утверждая, что нелепостей и трудностей во временном описании флуктуаций (которые, если следовать обычной трактовке стрелы времени, ведут к обращению в противоположное направление времени) не будет, если следовать предложен-

³⁰ См.: Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной. М., 1979. С. 234.

³¹ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 342.

³² Там же. С. 327.

ному им энтропийному определению отношения «позже чем»: «ветвящиеся системы, характеризующиеся космически “случайным” уменьшением энтропии, в *положительном* времени могут быть описаны именно таким образом, поскольку эти уменьшения имеют во времени *противоположные направления* относительно возрастания энтропии большинства ветвящихся систем»³³. Предполагается общая (положительная) направленность времени, заданная (или задающая? – если следовать идее первичности времени, его независимости от процессов, т. е. ньютоновской парадигме) внутренней различимостью, в силу их необратимости, *состояний* системы, что обуславливает внутреннюю различимость (асимметричность) *моментов* времени. Внешняя последовательность моментов во времени оказывается не просто порядком (в рейхенбаховском смысле) во времени, который можно определить относительно и в замкнутом времени, а *направлением* открытого времени.

Эту направленность времени следует, по Грюнбауму, отличать от становления, с которым обычно и путают анизотропию времени, видя в ней движение вперед «теперь» в сторону будущего. Подобный взгляд неправомерен, ибо «то, что квалифицирует физическое событие в момент t как принадлежащее настоящему времени, или к “теперь”, не представляет собой какого-либо физического атрибута события или какого-либо отношения, испытываемого им к другим *чисто физическим* событиям; напротив, для такой квалификации события *необходимо* только то, что в момент t по крайней мере один человеческий или другой *обладающий сознанием* организм M концептуально осознает в это время переживаемое событие»³⁴. Физические объекты в этом смысле находятся в становлении (относительно человеческого сознания), но для них (самих) нет становления. Становление («течение времени») должно не просто переживаться, а осознаваться в этом переживании: «Переживание организмом M какого-то события в момент t связано с осознанием временного совпадения переживаемого им события с состоянием *знания* о том, что он вообще переживает это событие. Иными словами, M переживает данное событие в момент t , и он знает, что пережи-

³³ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 344.

³⁴ Там же. С. 396.

вает его. Таким образом, принадлежность к настоящему времени, или к “теперь”, некоторого события требует концептуального осознания непосредственного переживания события»³⁵. Животные, как и вещи физического мира, подчиняясь необратимой направленности моментов времени, возможно, не испытывают течения времени, ибо, даже переживая направленность времени, не осознают (для этого нужна рефлексия) его как становление, т. е. не соотносят отдельный момент с его прошедшестью/настоящестью/будущностью для них.

Подобный подход смущает Уитроу, защищающего объективность становления и его сущностное значение для времени: «Но если никакие события не происходят, кроме наших наблюдений, мы можем законно спросить – почему наши наблюдения представляют исключение?»³⁶ Возражение справедливое, если не учитывать различие между анизотропией времени и ее осознанием в модусах сознания (претворяющего направленную последовательность моментов «до» и «после» в темпоральные модусы «прошлого» и «будущего») в качестве становления или течения времени, т. е. «перемещения теперь». Отсюда ясно, почему «антропоцентричность» становления времени как течения «теперь» отнюдь не влечет за собой отказ в объективности направления в смысле стрелы времени. Более того, этот антропоцентрический смысл становления, обусловленный нашей центрической позицией во времени, *требует* объективности направления времени. Ибо то, что «существует не более одного момента времени, в который некоторое частное событие находится в настоящем, и что *этот момент времени не может быть выбран произвольным образом* (курсив мой. – О. Г.)»³⁷, лишний раз подразумевает объективность, независимость от нашего сознания отнюдь не произвольной направленности последовательности моментов, которую мы обречены переживать – проживать также в жесткой предзаданности, без права и пропуска какого-либо неуютного момента. Эта неотменимость неотвратимой объективности направленности времени сказывается и в физической невоз-

³⁵ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 396–397.

³⁶ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 115.

³⁷ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 403.

возможности перемещения по будущему/прошлому как еще не наступившим/уже ушедшим моментам времени при психологической возможности путешествия по прошлому/будущему как модусам сознания (в форме памяти, проектов и т. п.). Так что Грюнбаум совершенно прав, когда провозглашает, что «было бы грубой ошибкой думать, что если физическое время не имеет *течения* в смысле отсутствия непрерывного движения “теперь”, то физические события не могут быть разделены во времени, а должны быть все одновременно [и что] было бы грубой пародией объективное *отсутствие становления*... физических событий... приравнять требованию их *безвременности*...»³⁸.

Ничто, в том числе и физические явления, не свободны от времени, но человек помимо этого не свободен от осознания этой несвободы. Осознание направленности времени как темпорального становления мира, как собственной временности и конечности дается человеку не в качестве привилегии, а изначально задается его бытийственным статусом как особого сущего, специфицированного от остального сущего особым способом бытия как экзистенции, экстатирующегося на модусы («экстазы» – в терминологии Хайдеггера) временности. В этом выделении различия времени физических явлений (как физического времени) и его аспектов как особого *человеческого* времени едины и Грюнбаум, и Минковский, и Хайдеггер, и П. Рикёр, и Мерло-Понти. Эта идея отвечает и релятивистской картине мира (Эйнштейна – Минковского), согласно которой наличествует «лишь различие между раньше и позже, а не между прошлым, настоящим и будущим»³⁹, что иногда доходит до крайности – до признания отсутствия времени в безлюдном мире. Но обычно время просто нивелируется релятивизмом в один из физических параметров описания мира, в одно из пространственных измерений, что опространствливает время, или, что аналогично, во время-часы. Кстати, стоит отметить противоположную тенденцию: чем большее значение и больше самостоятельности (несводимости к пространству, часам и т. п.) приписывает времени исследователь, тем более «человечески насыщенным» оно предстает, даже

³⁸ Грюнбаум А. Указ. соч. С. 405.

³⁹ Уитроу Дж. Указ. соч. С. 375.

если речь идет о физическом времени, которое, впрочем, в этом случае не противопоставляется человеческому (в т. ч. и психологическому) времени. Такая тенденция четко соблюдается в работах Дж. Уитроу, А. М. Анисова и И. Пригожина.

Об этих двух тенденциях современных способов решения вопроса о времени пишет и Т. Х. Керимов, видя главное достижение тенденции к унификации понимания времени (ярким выразителем которой оказалась концепция Пригожина и его последователей) в «стремлении доказать возможность единого понимания времени... Такая унификация понимания времени благоприятствует разрешению конфликта между физическими, биологическими и философскими подходами, характерного для первой половины XX века, и таким образом способствует его преодолению»⁴⁰. Другая же тенденция характеризуется недоверием «к единству, тотальности времени, которое она охотно отождествляет с классическими философиями истории и стремится связать время с множеством взаимонесовместимых разнородных концептов. Утверждение этой множественности времени оказывается составной частью методологии, общей для релятивистской тенденции. Главное достижение этой тенденции состоит в доказательстве несоизмеримости исторического и естественного времени. <...> С точки зрения Рикёра, взаимное пересечение понятий эволюции и истории не имеет основания. Несмотря на неизбежные пересечения между «временем с настоящим», они предполагают фундаментальное различие между анонимным моментом и настоящим, определяемым инстанцией дискурса (недаром Грюнбаум говорит о грамматическом, языковом смысле данного понимания времени. – О. Г.), рефлексивно помечающим это настоящее. Невозможно включить феноменологическое время во время природы, неважно, идет ли речь о квантовом времени, времени галактических преобразований или же о времени эволюции Вселенной»⁴¹.

Для Рикёра посредником между феноменальным («временем переживания», «временем с настоящим») временем и космическим (физическим «временем без настоящего») временем предстает ис-

⁴⁰ Керимов Т. Х. Поэтика времени. М., 2005. С. 147.

⁴¹ Там же. С. 148.

торическое время («модусных моментов»?). История и есть время социальной действительности людей, которое не может сводиться ни к «чистым» модусам сознания (как единоголичного модусного, в их прошедшей – будущности, осознания – переживания моментов) времени, ни тем более к «чистым», взятым во вневременном смысле моментам.

Впрочем, по Керимову, необязательно вводить историческое время как объединителя двух описанных выше тенденций времени, ибо «они суть два лика одной и той же фигуры времени... так или иначе все возможные комбинации и модализации времени тяготеют к идеалу самодостаточности “теперь”. Тотальность и релятивность оказываются двумя интерпретациями или конфигурациями простой схемы самодостаточности “теперь”»⁴². Саморазрушительность, парадоксальность, внутренняя самопротиворечивость, доходящая до самоуничтожения своим самоутверждением понятия «теперь», статичного в настоящести динамично сменяемых моментов (или динамичного в поле статичных, данных в тотальной одновременности моментов?), существующего взаимоисключающим самоизменением, отмечалась еще с античности Аристотелем, а также св. Августином и М. Мерло-Понти, да, впрочем, очевидно для каждого, задумавшегося о статусе «теперь», совмещающего собой бытие и небытие, статику и динамику, постоянство и изменчивость, континуальность и дискретность. И не стоит, по-моему, пугаться внутренней парадоксальности «теперь»: своим отрицанием мы уничтожаем его не более, чем оно само себя, так как оно и состоит в своем самоисчезновении. И тяга приведенных выше тенденций тотальности и релятивизма к «теперь» далеко не случайна и закономерна: наименованием «теперь» обозначается принципиальная центрированность человека в своем настоящем. Это центрированная позиция человека как неизбыточно темпорального существа во времени, позиция, из которой ему не вырваться и которая является проявлением и выражением его зависимости от неотвратимости времени и от себя как темпорально конечного, пространственно замкнутого и субъектно-ограниченного (собственной самостью) существа.

⁴² Керимов Т. Х. Указ. соч. С. 149.

Физические законы, открытые А. Эйнштейном, выражают это как зависимость регистрации нами момента времени от нашей позиции в системе, замыкающей нас в собственное время, что обрекает на невозможность установления метрической одновременности настоящего разных наблюдателей. Настоящее распадается на метрически неодновременные локальные настоящие, в которые центрированы наблюдатели своей отдельностью и отдаленностью друг от друга: онтологической и пространственно-субъектной, следствием чего является эпистемологически-темпоральная отделенность, так что настоящее Другого становится доступным для нашего восприятия в нашем настоящем не раньше, чем превратится в момент прошлого для Другого. «[3.8] *Собственным временем* между двумя событиями называется промежуток времени, измеренный наблюдателем, движущимся равномерно и прямолинейно, который присутствует при обоих событиях, либо любым другим наблюдателем, неподвижным по отношению к нему». «[3.10] Интервал несобственного времени между двумя событиями всегда больше, чем интервал собственного времени. Это явление называется *замедлением течения времени*»⁴³. «[3.34] Время между... ударами, отсчитанное по часам наблюдателя В, – собственное (п. 3.8). Но оценка наблюдателем А интервала времени между теми же двумя ударами дает несобственное время, которое всегда больше (3.10) промежутка времени, отмеренного часами наблюдателя В. Значит, с точки зрения наблюдателя А, часы наблюдателя В показывают меньшее время, чем он предполагал. Поэтому он придет к заключению, что эти часы идут медленнее, *непрерывно отставая* (курсив мой. – О. Г.), а не просто отстав когда-то однажды»⁴⁴. Ход часов замедляется, а время за счет этого как бы уменьшается. Время часов – это «способ измерения» времени, но не само время. Но проблема и парадокс того, что «[3.36] если два наблюдателя движутся относительно друг друга, то каждый из них будет считать, что часы другого идут в замедленном темпе»⁴⁵, отнюдь не сводится к различию мер, ибо и само это различие (притом – исключительно соотносительное)

⁴³ Лили С. Теория относительности для всех. М., 1984. С. 52–53.

⁴⁴ Там же. С. 62–63.

⁴⁵ Там же. С. 63.

вызвано соотносительным же «изменением» течения времени, обусловливающего разнотой хода изначально одинаково синхронизированных часов.

Если предположить, что замедленный темп измерительного механизма (часов) (T_1) наблюдателя В относительно наблюдателя А вызван действительным замедлением процесса событийного протекания времени (T_2), то часы наблюдателя В действительно покажут меньшее время, чем часы наблюдателя А, что говорит о соотносительной разнотой скорости *событийностей* движущихся относительно друг друга наблюдателей. Прямым следствием этого, казалось бы, должно быть полное совпадение времени по шкале измерительных приборов: часы обоих наблюдателей должны показывать одно и то же время (T_1). При $T_2(A) \neq T_2(B) \rightarrow T_1(A) = T_1(B)$, ибо час, минута, секунда времени T_2 наблюдателя В более растянуты (замедление темпа часов T_1 соответствует этому и указывает на это), чем соответствующие интервалы времени T_2 наблюдателя А. Растягивается длительность темпоральных интервалов, но не уменьшается количество самих интервалов. Секунды (T_1) времени T_2 наблюдателя В относительно наблюдателя А тянутся дольше, но их не должно становиться меньше. Время наблюдателя А сравнительно (с его точки зрения) со временем наблюдателя В более концентрировано. Впрочем, подобного рода рассуждение не может быть справедливым, так как неявным образом исходит из недопустимого в данном случае предположения некоего нейтрального общего (до абсолютности) времени, по которому можно измерять и сравнивать времена всех наблюдателей. Не принимается во внимание, что часы (T_1) наблюдателя А, наблюдающего за временем (T_2) наблюдателя В, не подпадают под растянутую длительность времени T_2 В, способную замедлить их ход, а потому, измеряя эту длительность, регистрируют иное время, чем часы В.

Одновременность как восприятие одновременными событиями и сигналов наблюдателями из разных инерциальных систем, по Эйнштейну, относительна и недостижима для всей Вселенной. И разнотой протекания относительно друг друга с разной скоростью событийностей T_2 времен разных наблюдателей подразумевает непременно разновременность показаний их часов, так как каждый раз разновременно достигают горизонта настоящего

для каждого отдельного наблюдателя, наличного лишь в локусе его собственного локального настоящего и никак иначе! И в этой неизбывной локальности сказывается тезис Эйнштейна об относительности метрической одновременности. Соотносительность точек зрения разных наблюдателей и (обусловленная этим?) разноскоростная длительность их времен определяют ситуацию, при которой единство «стрелы времени» достижимо не иначе, как принципиальная неодновременность, несовпадение показаний часов при регистрации настоящего собственными приборами (а иначе – невозможно) различными наблюдателями.

Изменчивость событийности T_2 интерпретируется по аналогии с пространственным расстоянием (отрезком). Подобное представление идет еще от ньютоновской парадигмы времени, согласно которой время подобно пространственной дорожке, размеченной на последовательность отдельных темпоральных моментов, пересчет которых событиями и создает «движение времени». Оттого чем быстрее происходит этот пересчет, тем выше скорость времени. А чем выше скорость времени, тем быстрее оно достигает конечного момента t_n . Разнится скорость, но не «длина» промежутка времени. Но если будем исходить из другой, лейбницевской, парадигмы, согласно которой не событийность выверяется по независимым от нее, навечно определенным, неизменным моментам времени (T_2 по T_1), а, наоборот, моменты времени зависят от определяющей их процессуальности событийности, то в данном случае «длина» промежутка времени, а значит и каждого отдельного составляющего его момента, растяжима и стягиваема этой процессуальностью. Оттого, в отличие от первой парадигмы, промежутки времени, которые, как моменты времени, регистрируемые часами (T_1), якобы одинаковы, в качестве разноскоростных событийностей заполняют отнюдь не одинаковое время (T_2). Так что, пробегая с совершенно разнородной скоростью, с разным темпом, все бегуны на каждом шаге, мгновении своего бега тем не менее бегут по одной линии дистанции (настоящего), не опережая и не отставая. Различие скорости – это различие в событийной наполненности/разреженности каждого момента, каждого мгновения времени, что обусловлено событийной разнородностью темпоральных моментов: мы пробежим, преодолеем каждый из них не раньше, чем всецело проживем его.

Для концепции «стрелы времени» И. Пригожина нет ничего взаимоотрицающего в разноскоростном, но на одной единой линии, беге времени (вернее, времен, понимаемых как эволюции), так как им вместо времени-часов предлагается время-возраст⁴⁶. Бабочка-однодневка живет в одном с нами общем настоящем, но эволюция (старение) ее собственного времени протекает значительно быстрее. Секунда ее жизни иная (событийно), чем секунда нашей жизни, что не служит отрицанием того, что ее секунда находится на одной линии с нашей: в одном будущем, настоящем, а впоследствии – в прошлом. Это-то единство настоящего, будущего, прошлого в окрестности поля каждого отдельного наблюдателя (а иначе, «в общем», мы не можем судить о некоем тотальном времени) и следует отличать от одновременности одновозрастия, которое для разноскоростно эволюционирующих представителей Вселенной недостижимо (даже в поле локального настоящего). «Коль скоро у нас есть стрела времени, сразу же становятся понятными две основные характеристики природы: ее единство и разнообразие. Единство – потому, что стрела времени обща для всех частей нашего мира (ваше будущее – это и мое будущее, будущее Солнца – это и будущее любой из звезд)...»⁴⁷ Стрела времени едина, а скорость протекания – различна, но мы, хотя и с различной «скоростью» (которая не есть скорость, а насыщенность, и с разного момента начала), достигаем своего общего со всей Вселенной будущего. Никто и ничто не достигает конкретного будущего момента быстрее остальных, как бы ни опережал их в скорости протекания своей эволюции, и никто – ничто не достигает общего будущего позже остальных, как бы медленно, с запозданием (по отношению к другим) ни шло его существование.

Отсюда не совсем правомерно сравнение времени с дорогой, будущего – с финишем. Разноскоростное протекание эволюций, а главное – пространственная отдаленность объектов приводят к иллюзии того, что будущее у всех разное (а следовательно, можно попасть в чужое будущее), что мы на разных линиях темпоральной дистанции. Но это не так: настоящее для нас доступно лишь в про-

⁴⁶ См.: Анисов А. М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени. М., 1991. С. 21.

⁴⁷ Пригожин И. Указ. соч. С. 54.

екции исключительно нашего локального настоящего, а поэтому и будущего, данного нам лишь частным, для нас еще нет. Нынешнее собственное настоящее иных объектов (тех же звезд) будет доступно нам только в нашем будущем, но это не значит, что мы отстаем в потоке времени от этих звезд, не значит, что они обгоняют нас во времени. Их настоящее – одно с нашим настоящим, но мы отстаем от возможности уловить его, мы обречены наблюдать лишь онастоященное нашим настоящим их собственное прошлое, уже недостижимое и не улавливаемое теми, кто его оставил подобно следу. Мы эпистемологически ограничены своим настоящим настолько, что нам проще увидеть наличным чужое небытие тех, чье собственное бытие нам недоступно наблюдать одновременно с нашим. Да, нам никогда и никак не расширить границы горизонта *своего* настоящего до тотального настоящего Вселенной, ибо темпоральная наша ограниченность есть проявление нашей пространственной локализованности. Нам не вырваться из точечности своего «Теперь», пока не избавимся от точечности своего «Здесь». И не важно, в какой точке Вселенной расположено это «Теперь», главное, что оно – точка с окрестностью весьма небольшого масштаба: чем дальше от нас пространственно расположен объект, тем больше наше настоящее «отстает» (эпистемологически, а не онтологически!) от его настоящего. Наше восприятие объекта, отдаленного от нас на расстояние одной световой минуты, отстает на одну минуту времени. Иначе не было бы и временного отставания первого по отношению ко второму, так как могла бы происходить – за счет пространственной отдаленности – взаимокорректировка. Так, если бы какой-нибудь объект, отдаленный от нас в пространстве, мог онтологически опережать нас во времени, достигать своего (и нашего) будущего раньше нас, то наше отставание от его настоящего могло бы компенсироваться и мы бы имели возможность наблюдать *его* настоящее. Но этого не происходит.

В силу принципиальной локальности наших настоящих мы можем «попасть» (в восприятии, но не онтологически) в чужое прошлое (наличного в следе существования объекта, но не в самом объекте, ибо оно не само существование, а лишь его шлейф, след), но не в свое прошлое (!) и не в свое и не в чужое будущее (даже в восприятии, не говоря уже – онтологически). Перед нами непреодолимые онтологические пределы для всех попыток проникнове-

ния в иные, чем настоящее, модусы и моменты времени, которые доступны лишь свое-временно, т. е. не раньше и не позже того момента как они станут самим настоящим. Так что стремление и осуществление достижения будущего и прошлого времен без обращения к могущественной власти настоящего уместнее перенести с физического времени действительности в область времен иных (условных) реальностей, так как человечество давно если и не преодолевает, то ослабляет давление действительности созданием квазидействительностей. И борется, не подчиняя, с неотвратимостью ее времени, осваивая его, сохранением, воспроизведением, синхронизацией через культурную память, тексты, мифы, социальные практики и ритуалы, искусство. Физическое время предстает в облики социального и художественного времени.

В. А. Медведев

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

1. Методологический дискурс когнитивной сферы: критерии идентификации методологического исследования

Концептуализация особенностей методологического исследования требует определить критерии, позволяющие рассматривать его с точки зрения функциональной проявленности в более широком процессе человеческого познания. В данном случае важно отметить, что функциональная конфигурация познавательного процесса проявляется в виде комплекса трех основополагающих функций и соответственно уровней осуществления когнитивного действия¹.

¹ Это параметры, которые характеризуют любые формы осуществления познавательного процесса. Однако в данном контексте акцент делается на институционально проявленных в современном обществе формах познания.